

Э. К. ДЖОНСТОН

Э. К. ДЖОНСТОН

* СКАЗКИ *
ТЫСЯЧИ НОЧЕЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-4
Д42

Е. К. Johnston
A Thousand Nights

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Adams Literary и Andrew Nurnberg*

Оформление обложки *Василия Половцева*

Джонстон, Э. К.

Д42 Сказки тысячи ночей: роман / Э. К. Джонстон; пер.
с англ. П. Киселевой. — Москва: Издательство АСТ, 2016. —
320 с. — (Мастера магического реализма)

ISBN 978-5-17-095550-3

Дворец Ло-Мелхиина — жуткое и в то же время прекрасное место. Несметные сокровища, и удивительные статуи с глазами, молящими о помощи, дивные сады и сотни запуганных слуг — вот что теперь окружает ту, которая рискнула бросить вызов могущественному властелину пустыни. Каждую ночь, ожидая смерти, она рассказывает Ло-Мелхиину новую историю. Каждое утро встречает новый восход. Но надолго ли у нее хватит сил?

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-4

ISBN 978-5-17-095550-3

Copyright © 2015 by Е. К. Johnston
© П. Киселева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Посвящается доктору Давьо,
которая показала мне пустыню,
ее прошлое и будущее,
и научила меня искать.
Джо, Эми и Мелиссе, которые
подбадривали меня,
когда я училась писать
про Джона Друитта,
а также Тессе, которая не перестает
толкать меня на новые свершения.

Мы не знаем, зачем мы вышли из моря на эту твердую и пыльную землю, но точно знаем, что мы лучше нее.

Обитатели этих мест ползают под палящим солнцем, добывая себе скудное пропитание в бескрайних песках, пока сами не смешаются с песком, превратившись в пищу для пустынных воронов или еще более мерзких созданий. Солнце нас не тревожит, а песок доставляет лишь мимолетное неудобство. Мы сильнее и выносливее, мы лучше приспособлены к жизни. И все же поначалу нам здесь пришлось нелегко.

Людей было много, а нас мало. Мы не понимали их, а они — нас, и потому они нас боялись. Они нападали на нас со своим грубым оружием, с тяжелыми камнями и ярким огнем. Мы узнали, что пролить нашу кровь на песок не труднее, чем людскую, пока мы не научились создавать себе тела, не способные кровоточить. Мы ушли в пустыню, прочь от оазисов — в иссушенные солнцем земли, куда они не могли за нами последовать. Оттуда мы наблюдали за ними, выжидая.

Они умирали, а мы — нет. Мерно текла наша жизнь, и с годами мы узнавали о них все больше.

Мы смотрели, как они приручают туров, а потом и лошадей. Мы смотрели, как они учатся стричь овец и чесать шерсть. Они пряли, а мы ощущали натяжение нити с каждым поворотом веретена. Они ткали — и каждое движение их пальцев отдавалось в наших костях.

Мы желали иметь все те вещи, которые делали они, но сами, хоть и располагали временем в избытке, не были склонны осваивать ремесла. Всегда было проще взять желаемое силой. И мы брали. Мы похищали ткачей и привозили к себе в пустыню. Мы кормили их песком, а им казалось, будто они на пиру, и они творили для нас чудесные вещи, пока не умрут. Кузнецов мы поднимали с постелей, заставляя работать у раскаленных печей, пока кожа их не покроется волдырями. Они ковали для нас клинки и украшения, расплачиваясь за это собственной жизнью, а мы забирали себе их творения.

Когда они работали, мы ощущали прилив сил, и вскоре самые юные из нас стали уходить на охоту все дальше от дома, чтобы пожить за счет других мастеров. Они возвращались, полные сил и могущества, с ожерельями из костяшек тех, чьи ми руками этого достигли.

Но мне всегда было этого мало.

Я жаждал большего.

Однажды в пустыне я встретил охотника, который забрел слишком далеко от своих товарищей.

И я взял что хотел. Взял.

ГЛАВА 1

Ло-Мелхиин погубил уже три сотни девушек к тому дню, как пришел в нашу деревню выбирать себе новую жену.

Та из нас, кого он выберет, станет героиней. Она подарит жизнь всем остальным. Ло-Мелхиин не вернется в нашу деревню, пока не возьмет по одной жене из каждого поселения, каждого городка и каждого квартала внутри городских стен — ибо так велит закон, пусть он и порожден отчаянием. Та, кого он выберет, подарит надежду на счастливое будущее и любовь всем, кто останется дома.

Она станет божеством для своего народа на все времена. Она покинет нас, но мы навсегда сохраним частичку ее души и будем лелеять ее в своих воспоминаниях. Ее имя будут шептать с благоговейным придыханием у святилиц, возведенных в ее честь. Другие девушки будут петь ей благодарственные гимны, и нежные их голоса будут разноситься с ветрами далеко по пустыне, рассеиваясь над мельчайшим песком. Ее родители даже в самую жестокую засуху будут приходить к святилищам с подношениями из пресноводных цветов и маринованных корней. Та, кого он выберет, никогда не будет забыта.

И все же она умрет.

Каждый раз все начиналось одинаково: Ло-Мелхиин выбирал одну из девушек и вез ее в свой каср, чтобы сделать своей женой. Кто-то прожил в его покоях всего одну ночь, кто-то продержался целый месяц, но в конце концов все они становились добычей пустынных воронов. Он объезжал город за городом, деревню за деревней. Угроза нависала над каждым племенем, каждой семьей. Он поступал как ребенок, который растягивает удовольствие, поедая финики по одному и смакуя каждый в поисках совершенной сладости. Но, перебирая девушек одну за другой, он ни в ком не находил того, что искал.

Когда он приехал в нашу деревню, за себя я не боялась. Я давно привыкла жить в тени своей сестры-одногодки, которая была старше меня на десять месяцев. Она была красавицей. Я — довеском. До закона Ло-Мелхиина, до того, как ужас перед участью попасть на его брачное ложе распростерся над пустыней, словно иссыхающее плодовое дерево, отчаянно тянущее свои ветви к воде, я была уверена, что выйду замуж после сестры, скорее всего за родного или двоюродного брата ее суженого. Она была желанной добычей, но мысль о разлуке со мной претила ей, и все в деревне знали, что мы — парный товар. Младшей женой в ее доме я бы не стала — слишком важным человеком был мой отец, — но меня выдали бы за человека ниже по положению.

— Ты не лишена красоты, — сказала она мне однажды, когда мы глядели на пустыню, распалая-

мую жарким солнцем нашего четырнадцатого лета. И я знала, что это правда.

Обе наши матери были красивы, хорош собой был и наш отец. И насколько я могла судить о собственной внешности, мы с сестрой были во многом похожи: у обеих — кожа цвета каленой бронзы, чуть темнее песка, а от ветра и солнца становившаяся еще смуглее. Волосы — такие длинные, что на них можно сесть, и темные — того цвета, какой бывает вокруг звезд самой глубокой ночью. Я решила, что отличие — в наших лицах: в форме глаз, в изгибе губ. От одного взгляда на ее лицо у меня перехватывало дыхание. Своего же лица я никогда не видела. У нас было мало бронзы и меди, а вода — только на дне колодца.

— Но я — не ты, — ответила я. В моих словах не было горечи. Сестра никогда не пыталась внушить мне, что я чем-то хуже нее, а над теми, кто указывал мне на это, лишь насмеялась.

— Это правда, — признала она. — А мужчинам не хватит воображения, чтобы разглядеть нас отдельно друг от друга. Об этом я сожалею.

— А я нет, — сказала я, и так оно и было. — Потому что я люблю тебя больше дождя.

— Вот это да! — рассмеялась она. — Ты видишь мое лицо каждый день, и оно тебе до сих пор не надоело! — И мы пустились бегом, уверенно ступая по текучей поверхности песка.

Вместе мы были сильны. Мы легко несли большой кувшин с водой, разделяя его вес пополам. Из-за толстых керамических ручек даже пустой сосуд

был очень тяжелым, но ручек было четыре, а у нас — четыре руки. Мы научились этому еще в детстве, и взрослые угощали нас засахаренным инжиром за то, что мы проливали так мало воды по пути от колодца. Но и когда мы уже стали достаточно взрослыми, чтобы нести кувшин в одиночку, мы предпочитали ходить за водой вместе, как и делать все прочие домашние дела. Почти все — от рукоделия и готовки до истребления ядовитых змей, выползающих из колодца, — нам удавались одинаково хорошо. У меня лучше получалось петь песни и рассказывать семейные предания, но сестра умела подобрать собственные слова, и ей не нужно было ссылаться на чужие деяния, чтобы донести свою мысль. Быть может, именно это внутреннее пламя и делало ее такой красавицей. Быть может, именно оно и отличало ее лицо от моего. Быть может, именно поэтому оно никогда мне не надоедало.

Я боялась, что и Ло-Мелхиин увидит в лице моей сестры то самое, что так долго искал, и что ему тоже никогда не надоест. Поначалу он брал в жены лишь самых красивых девушек, дочерей самых знатных вельмож и самых богатых купцов. Но когда стало ясно, что его жены умирают одна за другой, влиятельным господам это пришлось не по нраву, и они начали подыскивать ему невест в других местах. Они стали прочесывать деревни в поисках подходящих девушек, и некоторое время никого не заботили судьбы бесчисленных простолюдинок, которых отправляли на погибель. Однако вскоре жители деревень подвели

счет своим потерям и прекратили торговать с городами. Тогда-то и был принят закон: по одной невесте из каждой деревни и каждого городского квартала, и лишь потом по второму кругу. Он погубил уже столько девушек! И я не могла допустить, чтобы моя сестра стала одной из них. Из всех рассказов про Ломелхиина две вещи мы знали точно: он всегда забирает одну девушку и она всегда, всегда умирает.

Когда над пустыней взвилась пыль, мы поняли, что он едет к нам. Он уже знал, сколько нас и у кого есть дочери подходящего возраста. Перепись была частью закона — так мужчинам легче было убедить себя, что он справедлив.

— Но ведь он не справедлив, — прошептала моя сестра, когда мы лежали с ней бок о бок под открытым небом, любуясь на звезды нашего семнадцатого лета. — Мужчин же не заставляют вступать в брак и идти на смерть.

— Нет, — отвечала я. — Не заставляют.

И вот мы стояли в тени отцовского шатра и ждали. Отовсюду слышались стоны и плач. Матери прижимали к себе дочерей, отцы беспокойно топтались вокруг, не в силах вмешаться и не желая нарушить закон. Нашего отца с нами не было. Он уехал торговать. Мы не знали заранее, когда придет Ломелхиин. Вернувшись, отец обнаружит, что его самый прекрасный цветок забрали прочь, а ему остался лишь сорняк.

Ветер отчаянно трепал мое покрывало и выбивающиеся из-под него распущенные волосы. Сестра

заплела волосы в косу и стояла, выпрямив спину и откинув покрывало назад, так что ее черные волосы сияли на солнце. Она глядела вдаль в ожидании бури, а в ее глазах назревала иная буря, делавшая ее еще прекраснее. Я не могла потерять ее, но понимала, что стоит Ло-Мелхиину увидеть ее, как она будет потеряна для нас навсегда.

Я перебирала в памяти все истории, какие слышала за свою жизнь: те, что рассказывали шепотом у очага моей матери и те, что громогласно вещал наш отец на советах старейшин в своем шатре. Я знала их все наизусть: откуда мы пришли, кем были наши предки, какие герои были в нашем роду, каких богов чтит наша семья. Я пыталась найти в этих историях что-то, что могло мне пригодиться, но не находила ничего. Мир еще не знал подобного Ло-Мелхиину и не сочинил историй о том, как бороться с такими созданиями.

Но даже если целой истории нет, быть может, в какой-нибудь из них найдется хоть что-то похожее. Сюжетная нить в истории воина, взявшего осадой город с неприступными стенами. Отрывок из предания об отце, которому пришлось выбирать между двумя дочерьми и решать, кого из них отправить ночью в пустыню. Интрига в сказании о влюбленных, вступивших в брак вопреки родительской воле. Одна из линий в истории пожилой женщины, чьих сыновей незаконно призвали на чужую войну. Истории историям рознь.

Ни одно из известных мне сказаний само по себе не объясняло, как спасти мою сестру от краткого

и гибельного замужества, но в памяти у меня скопилось множество обрывков, которые, словно песчинки, сыпались сквозь пальцы, пока я пыталась набрать еще и еще. Но я хорошо знала песок. Я родилась на песке и на песке училась ходить. Я смахивала песчинки с лица и вытаскивала их из тарелки с едой. Я знала, что нужно лишь набраться терпения и разжечь достаточно сильный огонь, чтобы песок затвердел и превратился в стекло, — и тогда я смогу извлечь из него пользу.

Сестра всматривалась в облако пыли, ожидая увидеть в нем Ло-Мелхиина, но я всматривалась в песок. Ее отвага перед лицом этой бури придавала мне сил. Она взяла меня за руку и улыбнулась, хоть и не понимала, что я задумала. Она уже смирилась с тем, что станет той, кто спасет нас, богиней, которую мы будем чтить после ее ухода. Той, кто умрет. Но я этого не допущу.

К тому мгновению, когда даже старики уже могли разглядеть в надвигающемся облаке пыли сполохи на бронзовых доспехах всадников и слышать топот лошадей, скачущих во весь опор под палящим солнцем, а ветер растрепал косу моей сестры, нежно играя с выбившимися прядями, будто тоже боялся ее потерять, мой план был готов.